

Б. Ф. Егоров

ПЕТРАШЕВЦЫ — ИДЕОЛОГИ УТОПИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА В РОССИИ

Жизнь и деятельность петрашевцев оказались на протяжении всего XIX в. почти запретными темами для подцензурной русской печати: лишь за рубежом возможны были — главным образом, стараниями А. И. Герцена — отдельные публикации и очерки (здесь мы не касаемся позднего наследия литераторов, принадлежавших к кружкам петрашевцев, но активно творивших и печатавшихся и во второй половине XIX в. — Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Н. Плещеева, А. И. Пальма). Лишь 1905 г. частично снял цензурные запреты, основные же публикации произведений петрашевцев и исследования о них появились после 1917 г.

Большинство публицистических и научных трудов петрашевцев, а также материалов следствия по их делу теперь опубликовано.¹

Исследовательская литература о петрашевцах стала воистину громадна — ныне насчитывается уже более 400 работ.² Наряду с обстоятельными трудами о петрашевцах на русском языке³ появились книги на других языках⁴ (следует особо отметить значение книги Виктории Сливовской, широко использовавшей материалы русских архивов и давшей ценный очерк польских радикальных кружков сороковых годов в Петербурге и Москве).

К настоящему времени достаточно подробно и тщательно изучены история создания и деятельности кружков петрашевцев, социально-политические взгляды основных участников, влияние на них учений западноевропейских социалистов-утопистов.⁵

Однако далеко не удовлетворительно изучены связи общественно-политического мировоззрения петрашевцев (связи и прямые, и типологические) с различными утопическими идеями, бытовавшими в России в конце тридцатых-сороковых годов. Серьезное внимание к становившимся всемирно известным теориям французских утопических социалистов наблюдается у русских мыслите-

лей после 1825 г., хотя известно и более раннее знакомство декабристов с учениями Сен-Симона и Фурье.

Кажется, самой первой интеллектуальной группой, заинтересовавшейся в последекабрьское время идеями утопистов, был пушкинский круг. Чрезвычайно интересно в этом отношении письмо П. Я. Чаадаева к А. С. Пушкину от 18 сентября 1831 г. по поводу последствий французской революции: «. . . у меня навертываются слезы на глазах, когда я вижу это необъятное злополучие старого, моего старого общества (. . .). Но смутное сознание говорит мне, что скоро придет человек, имеющий принести нам истину времени. Быть может, на первых порах это будет нечто, подобное той политической религии, которую в настоящее время производят С.-Симон в Париже или тому католицизму нового рода, который несколько смелых священников пытаются поставить на место прежнего. . .»⁶

«Католицизм нового рода» здесь — несомненно движение, возглавляемое аббатом Ламенне, который три года спустя после данного письма Чаадаева опубликует свою знаменитую книгу «Слово верующего», оказавшую большое влияние на петрашевцев в следующем десятилетии («Слово», укоренившееся в русской переводческой традиции, не совсем точно переводит начало заглавия: у Ламенне — *Paroles*, т. е. «слова», «речи»). Ф. Г. Никитина недавно обнаружила в бумагах, отобранных у петрашевца Н. А. Мордвинова в 1855 г., арестованного тогда за новую пропаганду, полный перевод на русский язык книги Ламенне, сделанный Мордвиновым и Плещеевым (Ф. Г. Никитина на основании других данных убедительно доказывает, что отсутствующее в рукописи введение, очевидно, было переведено третьим участником, А. П. Милюковым: об этом тексте неоднократно упоминалось в процессе петрашевцев).⁷

Запомним эти два варианта общественного развития, которые прогнозирует Чаадаев: оба они сводятся в теоретической типологии к христианскому социализму. Не меньший интерес, чем письмо Чаадаева, представляет для нас статья А. Мицкевича, написанная во Франции под впечатлением известия о смерти великого русского поэта, — «Пушкин и литературное движение в России». В этой статье Мицкевич так характеризовал последекабристский период в творчестве Пушкина: «Что творилось в его душе? Проникалась ли она в тиши тем духом, который вдохновлял творения Манцони или Пеллико (. . .)? А может быть, его воображение было возбуждено идеями в духе Сен-Симона или Фурье? Не знаю. В его стихотворениях и в разговорах можно было приметить следы обоих этих стремлений».⁸

Манцони и Пеллико — известные итальянские романтики, чьи произведения отличались религиозными настроениями, христианским смирением, сосредоточенным анализом состояния уединенного человека и т. п. Отдельные черты такого рода можно найти в творчестве позднего Пушкина, особенно в стихотворениях 1836 г., но труднее обнаружить идеи в духе Сен-Симона или Фурье. Воз-

можно, Мицкевич имел в виду свои разговоры с Пушкиным о гармоническом обществе будущего, о том времени, когда, по словам известного пушкинского стихотворения «Он между нами жил. . .» (1834), посвященного Мицкевичу,

.. народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Во всяком случае, указание Мицкевича является важной параллелью и добавкой к письму Чаадаева, свидетельством «следов» интересов, проявлявшихся в пушкинском окружении к идеям французских утопических социалистов.⁹

Последующие этапы развития русской общественной мысли, когда возник уже прочный и глубокий интерес к утопическому социализму, достаточно хорошо изучены в нашей исследовательской литературе: сперва это — создание студенческого кружка Герцена—Огарева, затем — переход Бакунина и Белинского в начале сороковых годов к социалистическим и революционным идеям, затем — деятельность петрашевцев.

На наш взгляд, следует, однако, поставить движение петрашевцев в значительно более широкий общественно-исторический контекст, чем это делалось до сих пор. Опыт истории показывает, что когда имеются условия для непосредственных социально-политических акций, когда общество динамично, то ему тогда не до утопий, ибо сама жизнь дает материал для перемен, для ломки старого, тогда и теории стремятся основываться на реальности. И наоборот, реакционное замораживание общественного развития, относительная неподвижность социально-политических институтов заставляет мыслителей искать путей выхода не в реальной действительности, а в конструировании идеала и цели по своему сугубо теоретическому усмотрению. Так и создаются утопии социального, политического, экономического толка.

В этом отношении переход ко второй половине николаевского царствования, конец тридцатых и начало сороковых годов, создавал весьма благоприятную почву для широкого распространения утопических мечтаний: внутренний террор почти полностью ликвидировал в стране оппозиционное движение, и Россия затихла в ожидании будущих перемен. Да и в Европе наблюдалось относительное спокойствие после известных бурь двадцатых—начала тридцатых годов.

Далеко не все русские утопии тридцатых-сороковых годов были социалистическими, скорее наоборот — их большинство было анти-социалистическим. Великий утопист Гоголь, стремившийся художественно изобразить жизненное устройство и человеческие характеры во 2-й и 3-й частях «Мертвых душ», но затем отодвинувший работу над романом-поэмой ради создания грандиозной консервативной утопии, которая получила название «Выбранные места из переписки с друзьями», был всегда убежденным противником социализма. Воспринимая Белинского чуть ли не фюреристом, Гоголь в черновике ответа на известное письмо к нему Белин-

ского так оспаривал понятие цивилизации как идеала: «Хоть бы вы определили, что такое нужно разуметь под именем европейской цивили (зации), которое бессмысленно повторяют все. Тут и фаланстерьен (фаланстерист. — Б. Е.), и красный, и всякий, и все друг друга готовы съест, и все носят такие разрушающие, такие уничтожающие начала. . .»¹⁰

Даже в идеях умеренного западника П. В. Анненкова по поводу «равенства и справедливости» Гоголь усмотрел опасный социалистический дух и выразил глубокий скепсис относительно практического осуществления этих принципов в России: «Целая бездна между этими словами и примененьями их к делу».¹¹

Скепсис по поводу чужих идеалов, однако, не мешал Гоголю самому проповедовать со страстью свои собственные принципы.

Не менее грандиозную консервативную утопию создавали в течение сороковых годов славянофилы. В отличие от Гоголя славянофилы были типологически значительно ближе к Белинскому и петрашевцам по своему неприятию сословных перегородок, по желанию «растворить» дворянское сословие в народе, в единой общине, но они, как и Гоголь, были решительными противниками социалистических начал, боясь, что фурьеристский фаланстер в отличие от патриархальной крестьянской общины будет разрушать жидительные нравственные принципы (вера, любовь, семья и т. п.). А. С. Хомяков в письме к гр. А. Д. Блудовой от 16 мая 1849 г. делится своими впечатлениями по поводу ареста петрашевцев: сострадает «молодости клубистов», но негодует по поводу их социалистических идеалов, видит губительные зерна «коммунизма» в распространении казенных школ и интернатов: «Дети чуть-чуть не из пеленок переданы в казармы общественного воспитания; дети оторваны окончательно и навсегда от заповожденной семьи, от привычек и от святости семейной жизни».¹²

Негодование славянофилов по поводу идеалов петрашевцев (как они были в достаточно искаженном свете истолкованы по слухам) доходило до фанатических крайностей. В дневнике В. И. Хитрово, друга Хомякова, имеется запись от 14 мая 1849 г., в связи с полученным сообщением об аресте петрашевцев: у Хомякова «вырвалось досадное выражение, что он готов скорее пожертвовать своими детьми, чем видеть их безбожниками и безнравственными либералами».¹³

Крайности сходились, так сказать, на метауровне: русские социалисты проповедовали не менее экстремальные принципы, но противоположного ряда. Так, например, Герцен писал московским друзьям 27 сентября* 1849 г.: «Грядущая революция должна начать не только с вечного вопроса собственности и гражданского устройства, а с нравственности человека; в груди каждого она должна убить монархический и христианский принцип».¹⁴ Гоголь в «Выбранных местах. . .» так увлекался пропагандой своих

* Здесь и далее, где речь идет о зарубежной переписке А. И. Герцена, даты приводятся по новому стилю.

взглядов, что доходил до грубых выражений по адресу нерадивых. Белинский в своем знаменитом письме к писателю резко протестовал против таких грубостей, не останавливаясь перед оскорбительным тоном по отношению к человеку, творчество которого он глубоко читил.

Крайности мнений совпадали у русских утопистов почти всех направлений со страстным желанием вскоре, если не немедленно, воплотить в реальность свои мечты; сама пророческая убежденность в правоте, в истинности проповедуемых идеалов была тесно связана с этой уверенностью в практической достигаемости утопических нормативов. Существует рассказ-воспоминание В. Р. Зотова о том, как М. В. Петрашевский в 1846—1847 г. решил в своей новгородской деревне построить из свежего леса просторный и светлый фаланстер и убеждал крестьян переселиться туда из их разваливающихся избенок и как крестьяне перед переселением сожгли до тла это прекрасное здание.¹⁵ Одни исследователи всерьез воспринимают рассказ Зотова (В. И. Семевский), другие — скептически (В. Р. Лейкина-Свирская). В настоящее время трудно проверить истинность события, хотя в принципе следовало бы заняться разысканиями в новгородских архивах. Но дело даже не в этом: если Зотов и напутал, что-то присочинил (точностью его воспоминания не отличаются), то все равно самое существование подобной легенды очень показательны; она достаточно точно характеризует, как бы сказали в XX в., *интенцию*, направленность мыслей и дел утопистов к скорейшему практическому осуществлению своих идеалов.

Герцен, полемизируя с Гервегом по поводу национальных особенностей русского человека, писал оппоненту 30 июля 1850 г.: «... я знаю славянскую расу лучше, чем вы (...) я вижу огромные возможности развития и мощную юность этой расы (...) Быть может, Россия так и издохнет вампиром, но она может и перейти к самому неограниченному коммунизму с той же легкостью, с какою она бросилась с Петром Великим в европеизм».¹⁶ Герцен был глубоко не прав, утверждая «легкость» русского исторического пути, но он великолепно отражал общественные настроения 40-х годов.

Сложным промежуточным звеном между радикальными и консервативными русскими утопистами был Ап. Григорьев (в данном случае рассматриваем его деятельность сороковых годов, не касаясь последующей эволюции). С одной стороны, он издевался в драме «Два эгоизма» (1845) над фурьеристом Петушевским (весьма прозрачный псевдоним!) и над славянофилом Баскаковым (намек на К. Аксакова), а в статьях и повестях той поры не раз иронизировал по поводу фурьеризма вообще, но в то же самое время Григорьев сблизился с масонами, перевел на русский язык целый цикл масонских «Гимнов» (масонство Григорьева причудливо сочеталось, однако, с романтическим культом сильной личности), увлекся христианским социализмом Жорж Санд; в 1847 г. Григорьев оказался одним из немногих горячих защитников «Выбран-

ных мест. . .» Гоголя, в эти же годы он все больше и больше склоняется к славянофильству.

Царское правительство хотя и понимало коренные различия между радикальными и консервативными утопистами, но в целом оно враждебно относилось не только к Белинскому и петрашевцам, а и к масонам, к жоржсандистам, к славянофилам, к Гоголю. Правительству требовалось беспрекословное подчинение, а не мечты об общественных преобразованиях. Особенно подозрительным и жестко репрессивным оно стало после французской революции 1848 г.: ведь в это время даже уваровская триединая формула «православие, самодержавие, народность» была заподозрена в демократизме! Даже вполне благонамеренные деятели церкви, осмеливавшиеся неказенно говорить о христианских идеалах, оказывались под подозрением. Хомяков сообщал своей знакомой М. С. Мухановой в письме, относящемся к 1848—1849 гг., о тревожных слухах по поводу судьбы казанского архиепископа Григория: «. . . говорят, что Григорий казанский, по доносу г<ене>рал<а>-л<ей>тенанта Анненкова в коммунистическом направлении проповедей, будет удален от Синода, хотя и оправдан».¹⁷

Только, пожалуй, либеральные утописты, самым выдающимся из которых был кн. В. Ф. Одоевский, почти не испытывали притеснений цензуры и правительства. Утопии и антиутопии (т. е. произведения, где автор предостерегает человечество от страшных последствий неправильно избранного пути) Одоевского, и прежде всего — цикл рассказов «Русские ночи» (1844) и отрывок из романа «4338-й год» (1840), хотя и были неоднократно предметом научного исследования, еще нуждаются в более основательном типологическом сопоставлении с произведениями других русских утопистов сороковых годов.

Наименее изученным — очевидно, из-за чрезвычайной трудности проблемы, — является соотношение творческого наследия петрашевцев с трудами Белинского. Самым подробным и объективным исследованием одного из аспектов является глава «Белинский и литературно-теоретические принципы петрашевцев» в упомянутой книге Т. И. Усакиной,¹⁸ но, как видно из названия главы, — именно литературного аспекта, а не всего мировоззренческого комплекса.

Идея о важности мировоззренческих перемен для позднего Белинского и о важности их тщательного изучения для понимания многих его сложных высказываний была в целом поддержана участниками дискуссии 1973 г. «Наследие революционных демократов и современность»,¹⁹ хотя и возражавшими по отдельным частностям (вернее сказать, уточнившими некоторые частные аспекты).²⁰

Кажется, единственным противником данной точки зрения оказался Ф. Я. Прийма, который в обширных трех статьях²¹ последовательно возражал всем не согласным с ним участникам дискуссии на страницах «Вопросов литературы», оставаясь на своих прежних позициях (Белинский совсем не менял своих взглядов

в конце жизни, а сложные и резкие высказывания об утопистах объясняются боязнью перлюстрации письма и приноравливанием к ограниченному мышлению либерала Анненкова). Очевидно, если бы деятельность позднего Белинского была исследована более основательно, подобные истолкования были бы невозможны.²²

Споры Белинского с Вал. Майковым и резкие его отзывы о других утопистах отнюдь не означают расхождений Белинского с петрашевцами по весьма важным, коренным социально-политическим проблемам: демократический пафос, жажда освобождения крепостных крестьян и т. п. Широко известно то теоретическое и практическое значение, какое имело в кругах петрашевцев письмо Белинского к Гоголю. М. Я. Поляков в своей монографии о Белинском подробно осветил идейные и личные связи круга Белинского с петрашевцами в 1844—1847 гг.,²³ обнаружены также материалы о личных встречах Белинского с Плещеевым,²⁴ о совместном участии Белинского и петрашевцев в журнале «Финский вестник».²⁵ Однако необходимо теоретическое осмысление идейных и личных контактов, необходимы типологические сопоставления трудов Белинского и петрашевцев, чтобы четче уяснить сходства и отличия различных аспектов их мировоззрения и методологии.

Несомненно необходимы и типологические исследования, в сравнении с петрашевцами, других утопических социалистических групп в России сороковых годов (особенно — деятелей Кирилло-Мефодиевского братства; о них уже имеются труды, которые помогут будущим исследователям²⁶), как нужны и сопоставления русских и украинских социалистов с их зарубежными современниками, особенно с польскими.²⁷

О философских воззрениях петрашевцев создано уже немало трудов,²⁸ в них достаточно подробно анализируется творческое усвоение петрашевцами идей Фурье и Фейербаха, но при этом почти полностью, к сожалению, игнорируется сложное воздействие позитивизма на мировоззрение русских деятелей. Даже в новейшей книге, специально посвященной последней теме, заметно желание обойти вопрос: «Характерным для петрашевцев было критическое отношение к контизму. Одни из них пропагандировали положения позитивизма, другие подвергали учение Конта критическому анализу (. . .). Вероятно, среди петрашевцев были и противники контизма. Ввиду неисследованности проблемы сколько-нибудь категорические суждения невозможны».²⁹ Непонятно, однако, как же при неисследованности проблемы и при отсутствии хотя бы одного примера критического анализа автор тем не менее осмеливается категорически утверждать характерность именно негативного отношения петрашевцев к позитивизму?

В действительности, позитивизм оказал большое влияние на русскую общественную мысль сороковых-пятидесятых годов: он тогда истолковывался прежде всего как анти-идеалистическая философия, как метод, основывающийся на строгих естественно-научных данных, на практике, а не на умозрительности, часто даже как синоним материализма, тем более, что Конт восприни-

мался как прямой ученик Сен-Симона, а ученик Конта Э. Литтре был известен не только как замечательный ученый, но и как революционер и демократ. Влиянию позитивизма подверглись и Герцен, и Огарев, и Белинский (хотя отношение их к новому учению было отнюдь не апологетическим); Чернышевский даже много позже, в статье «Июльская монархия» (1860), так характеризовал Конта: «...основатель положительной философии, единственной философской системы у французов, верной научному духу, один из гениальнейших людей нашего времени»³⁰ (лишь позднее у Чернышевского возникло скептическое отношение к позитивизму).

И на петрашевцев учение Конта оказало немалое воздействие: необходимо с этой точки зрения более тщательное обследование их трудов, особенно — Петрашевского и Спешнева, как и более основательное изучение наследия главных русских позитивистов 40-х гг. — Вал. Майкова и В. А. Милютина, близких к петрашевцам (несколько страниц в книге П. С. Шкуринова, посвященных этим деятелям, — слишком схематичны).

Слабо изучена издательская деятельность петрашевцев, если не считать ценной статьи о «Карманном словаре иностранных слов»,³¹ и особенно — журналистика петрашевцев. Ведь благодаря обстоятельной серии статей В. М. Морозова³² мы теперь с уверенностью можем сказать, что петрашевцы играли чуть ли не ведущую роль в до сих пор еще достаточно таинственном для исследователей журнале «Финский вестник» (1845—1847); а продолжение «Финского вестника» — «Северное обозрение» (1848—1850) — вообще темное пятно в истории русской журналистики. Да и «Финский вестник» еще нуждается в изучении, в дополнение к разысканиям В. М. Морозова; не раскрыты многие анонимы, недостаточно обследованы архивные (главным образом — цензурные) материалы; остается не всегда ясным, кто руководил журналом (в целом или по отделам) в разные периоды его существования.

Некоторые темы, например, деятельность петрашевцев как этнографов и географов, лишь конспективно намечены в научной литературе³³ и требуют дальнейшего исследования.

Художественное творчество петрашевцев изучено неравномерно: повезло поэтам, благодаря четырем изданиям в серии «Библиотека поэта»,³⁴ осуществленным в результате специальных разысканий в периодике тридцатых-сороковых годов, предпринятых В. Л. Комаровичем, и таким образом обнаружены затерявшиеся на страницах старых журналов, газет, альманахов десятки стихотворений А. И. Пальма и С. Ф. Дурова. Некоторые стихотворения петрашевцев были впервые (полностью или частично) опубликованы по рукописям.

А. П. Баласогло вместе со своим другом, будущим академиком архитектуры П. П. Норовым³⁵ (1815—1858) издал еще до организации кружков петрашевцев совместный сборник «Стихотворения Веронова» (СПб., 1838), где псевдоним являлся для знакомых прозрачной анаграммой фамилии Норева. Как верно определил ре-

цензент О. И. Сенковский («Библиотека для чтения», 1839, № 1), сборник распадается на две группы стихотворений, явно принадлежащих разным авторам; В. Л. Комарович точно доказал, что первая часть создана П. П. Норовым, вторая — А. П. Баласогло.

В. В. Жданов, автор всех четырех вариантов статьи о поэтах-петрашевцах, предваряющей издания «Библиотеки поэта», охарактеризовал общие черты, свойственные поэзии петрашевцев, а также индивидуальные особенности представителей группы (А. Н. Плещеев, А. П. Баласогло, А. И. Пальм, Д. Д. Ахшарумов, С. Ф. Дуров). Однако соотношение поэзии петрашевцев с творчеством русских поэтов последующих поколений — почти совершенно не исследованная тема.³⁶

Значительно меньше, чем поэзия, изучена художественная и документальная проза петрашевцев. Фактически на эту тему написаны всего две работы (обе — кандидатские диссертации)³⁷. Кроме этого, имеются исследования о частных проблемах творчества А. Н. Плещеева³⁸ и близких к петрашевцам М. М. Достоевского³⁹ и Г. П. Данилевского.⁴⁰ Отсутствуют труды о ранней прозе А. И. Пальма, очерках А. П. Баласогло, литературоведческих опытах А. П. Милюкова; никто не занимался специально изучением дневников и воспоминаний петрашевцев. Вообще, назрела необходимость в создании обобщающего исследования о прозе петрашевцев в ее типологических соответствиях (в сходстве и отличии) с русской прозой сороковых годов, особенно — в соотношении с натуральной школой и повестями Ф. М. Достоевского.

С другой стороны, необходимы и монографические исследования о жизни и творчестве ведущих петрашевцев вообще, а не только о писателях. Фактически, если не считать отдельных статей, имеются монографии и исторические повести только о самом главном деятеле движения (из них лишь упоминавшаяся книга В. И. Семевского относится к научному жанру, а остальные являются беллетризованными биографиями),⁴¹ и о Н. А. Мордвинове, А. Н. Плещееве, Ф. Г. Толле, А. И. Пальме и А. П. Баласогло.⁴²

Несмотря на большое количество публикаций архивных материалов, под спудом еще хранятся ценные документы петрашевцев и о петрашевцах, которые ждут своих исследователей и публикаторов. Например, почти совершенно не вводился в научный оборот большой фонд Кашкиных, хранящийся в архиве Ленинградского отделения института истории СССР АН СССР.

Тема, которая также еще не была предметом научного анализа, — отклики на дело петрашевцев. Некоторые из них весьма поучительны. Крупные правительственные чиновники, очевидно, воспринимали арест петрашевцев как сигнал к продолжению репрессий по отношению ко всем неофициальным «утопическим» группировкам. Хомяков в письме к А. Н. Попову сообщал об анекдотических подозрениях московского генерал-губернатора графа А. А. Закревского, который явно считал славянофилов революционерами: «О петербургском заговоре (петрашевцев, — В. Е.) толкуют много, кто с негодованием, кто с состраданием (...) Расска-

зывают великолепное слово, сказанное гр. Закревским одному из его приятелей. «Что, брат, видишь; из московских славян никого не нашли в этом заговоре. Что это значит по-твоему?» — «Не знаю, в сиятельство». «Значит, все тут; да хитры, не поймаешь следа». «Это значит просто гениальное слово!».⁴³

Чудовищно искажающими истину слухи о петрашевцах доходили до обывателей, но сама типология извращений тоже весьма показательна. В письме к другому адресату, графине А. Д. Блудовой, Хомяков сообщал 16 мая 1849 г.: «Что вам сказать про здешние толки об вашем северном коммунизме? Слухи об намерениях клубов внушают негодование, а молодость клубистов внушает сострадание. Вообще рассказы очень темны и иные очень забавны. Я уж не говорю об уничтожении всех церквей и пр. и пр.; но мне довелось слышать от одной барыни (. . .), что клубисты хотели перерезать всех русских до единого, а для заселения России выписать французов, из которых один какой-то, которого имени она не знает, считается у них Магометом».⁴⁴

С другой стороны, Н. Г. Чернышевский-студент записал в своем дневнике от 25 апреля 1849 г. о сообщении родственника А. Ф. Раева: «. . . рассказывал о том, как взяла полиция тайная Ханькова, Петрашевского, Дебу, Плещеева, Достоевских и т. д. — ужасно подлая и глупая, должно быть история; эти скоты, вроде этих свиней Бутурлиных и т. д., Орлова и Дубельта и т. д., — должны были бы быть повешены. Как легко попасть в историю, — я, напр., сам никогда не усомнился бы вмешаться в их общество и со временем, конечно, вмешался бы».⁴⁵

В архивах, несомненно, хранятся еще никому не известные высказывания о деле петрашевцев в письмах, дневниках, мемуарах.

Таким образом, несмотря на большие достижения гуманитарных наук в исследовании различных аспектов жизни и творчества петрашевцев, имеется еще немало спорных проблем и вообще неизученных лакун. Вот почему предстоит создать как обобщающие типологические труды о месте петрашевцев в истории России, в истории культуры, общественной мысли, литературы, так и скрупулезные работы об отдельных петрашевцах и об отдельных темах и проблемах их деятельности.

¹ Петрашевцы: Сб. материалов: В 3-х т. М.; Л., 1926—1928; Дело петрашевцев: В 3-х т. М.; Л., 1937—1951; Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953. 824 с.; *Бельчиков Н. Ф.* Достоевский в процессе петрашевцев. М.; Л., 1936. 248 с.; 2-е изд. М., 1971. 296 с.

² Последняя относительно полная библиография произведений петрашевцев и литературы о них, составленная В. Р. Лейкиной свыше полувека назад, включала 326 номеров (см.: *Петрашевцы: Сб. материалов*, 1928, т. 3, с. 373—389). Следующая неполная библиография добавила еще около 50 номеров (см.: *История русской литературы XIX века. Библиографический указатель*. М.; Л., 1962, с. 37—40, 320, 554). За истекшие затем два десятилетия появилось еще свыше 30 книг и статей.

³ Прежде всего следует отметить: *Семевский В. И. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы*. М., 1922, ч. 1. 218 с.; *Лейкина-Свирская В. Р.* Петрашевцы. М., 1965. 164 с.; *Усакина Т. И.* Петрашевцы и литературно-общественно-

ственное движение сороковых годов XIX века. Саратов, 1965. 160 с.; *Возный А. Ф.* 1) Полицейский сыск и кружок петрашевцев. Киев, 1976. 88 с.; 2) Петрашевский и царская тайная полиция. Киев, 1985. 140 с.

⁴ *Буцук А. К.* Петрашевцы. Київ, 1962. 90 с.; *Sliwowska W.* Sprawa pietraszewcow. Warszawa, 1964. 320 s.; *Evans J. L.* The Petrashevskij Circle 1845—1849. The Hague—Paris, 1974. 114 p. (см. рец. В. М. Шевырина: Вопросы истории, 1975, 11, с. 189—191). Следует добавить, что в книге имеется много ошибок и неточностей. См. также: *Seddon J. H.* The Petrashevtsy: A Reappraisal. — Slavic Review, 1984, N 3, p. 434—452.

⁵ См.: *Сакулин П. Н.* Русская литература и социализм. Ч. 1. Ранний русский социализм. 2-е изд. М., 1924, с. 313—431; *Минаева Н. В.* Идеи утопического социализма во взглядах петрашевцев. — Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. П. Потемкина, 1957, т. 78, с. 77—127; *Зильберфарб И. И.* Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века. М., 1964, с. 330—382 (глава «Идеи Фурье в России»); *Лейкина-Сви́рская В. Р.* Утопический социализм петрашевцев. — В кн.: История социалистических учений. М., 1964, с. 399—441; *Малинин В. А.* История русского утопического социализма (от зарождения до 60-х годов XIX в.). М., 1977, с. 127—163.

⁶ *Чаадаев П. Я.* Сочинения и письма. М., 1914, т. 2, с. 180.

⁷ *Никитина Ф. Г.* Петрашевцы и Ламенне. — В кн.: Достоевский. Материалы и исследование. Л., 1978, 3, с. 256—258.

⁸ *Мицкевич Адам.* Собр. соч.: В 5-ти т. М., 1954, т. 4, с. 96.

⁹ Подробнее см.: *Гроссман Л.* Пушкин и сен-симонизм. — Красная новь, 1936, № 6, с. 157—168; *Алексеев М. П.* Замыслы «Истории будущего» Мицкевича и русская утопическая мысль 20—30-х годов XIX века. — В кн.: *Алексеев М. П.* Сравнительное литературоведение. Л., 1983, с. 309—319; *Орлик О. В.* Русская общественная мысль 30—40-х годов XIX в. и европейский утопический социализм. — Ист. записки, 1968, т. 82, с. 204—231.

¹⁰ *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. Л., 1952, т. 13, с. 438.

¹¹ Там же, с. 383—384. Письмо к Анненкову от 7 сентября 1847 г.

¹² *Хомяков А. С.* Соч. М., 1900, т. 8, с. 393.

¹³ ОПИ ГИМ, фонд 178, оп. 1, ед. хр. 2, л. 47 об.

¹⁴ *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1961, т. 23, с. 188.

¹⁵ Первые русские социалисты. Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге. Л., 1984, с. 100—102.

¹⁶ *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1961, т. 24, с. 130.

¹⁷ *Хомяков А. С.* Соч. М., 1900, т. 8, с. 419. Анненков — Николай Николаевич, директор канцелярии военного министерства; он был, по-видимому, одним из членов негласного Бутуурлинского комитета, образованного Николаем 1 2 апреля 1848 г. для борьбы с «крамолой».

¹⁸ Теоретико-литературные, эстетические, критические воззрения петрашевцев изучены в целом достаточно подробно: кроме указанной выше книги Т. И. Усаквиной см.: *Жеглов П. П.* Литературные взгляды петрашевцев. — Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук, 1939, вып. 4, с. 198—220; *Зельдович М. Г.* К характеристике литературно-эстетических взглядов М. В. Петрашевского. — Тр. филол. ф-та Харьков. гос. ун-та, 1956, т. 3, с. 235—259; *Деркач С. С.* О литературно-эстетических взглядах петрашевцев. — Вестн. ЛГУ, 1957, № 14, с. 77—93; *Кийко Е. И.* В. Н. Майков. — В кн.: История русской критики. М.; Л., 1958, т. 1, с. 430—443; *Мани Ю. В.* Валериан Майков. — Вопросы литературы, 1963, № 11, с. 103—123.

¹⁹ См.: *Егоров Б. Ф.* Перспективы, открытые временем. Изучение революционно-демократической критики сегодня. — Вопросы литературы, 1973, № 3, с. 121—123.

²⁰ См.: *Гей Н. К.* Некоторые проблемы изучения Белинского. — Вопросы литературы, 1974, № 11, с. 151—183; *Поляков М. Я.* Между историей и современностью. — Там же, 1976, № 6, с. 135—160.

²¹ *Прийма Ф. Я.* 1) «Большая дорога» Белинского и перепутья его исследователей. — Русская литература, 1974, № 1, с. 74—93; 2) Новые заплатки на старой конценции. — Там же, 1975, № 3, с. 103—114; 3) Крутые повороты и новые прочтения... — Там же, 1976, № 4, с. 121—131.

²² Недавно вышла работа, подводящая итоги дискуссиям последних лет и так резюмирующая полемику: «Если Б. Егоров, Н. Гей, М. Поляков, И. Клямкин при-

ближаются, хотя и не всегда решительно, к истине, то Ф. Прийма решительно отдален от нее» (*Плимак Е. Г.* К спору о политической позиции «позднего» Белинского. — *История СССР*, 1983, № 2, с. 48. Частично эта статья включена в книгу: *Плимак Е. Г.* Революционный процесс и революционное сознание. М., Политиздат, 1983. 240 с.). См. также: *Поляков М.* В мире идей и образов. Историческая поэтика и теория жанров. М., 1983, с. 29—43.

²³ *Поляк М. Я.* Виссарий Белинский. Личность — идеи — эпоха. М., 1960, с. 459—466.

²⁴ *Щуров И. А.* Белинский и Плещеев. — *Русская литература*, 1969, № 2, с. 134—138; см. также: *Щуров И. А.* А. Н. Плещеев. Ярославль, 1977. 128 с.

²⁵ *Морозов В. М.* К вопросу об идейно-общественной позиции журнала «Финский вестник» (Сотрудничество В. Г. Белинского и Н. А. Некрасова в журнале в 1845 г.). — Учен. зап. Карело-Финского гос. ун-та, 1955, т. 5, вып. 1, с. 85—112.

²⁶ *Зайончковский П. А.* Кирилло-Методиевское общество (1846—1847). М., 1959. 172 с.; *Дорошкевич О.* Шевченко и петрашевцы в 40-х гг. — В кн.: Шевченко та його доба. Київ, 1927, с. 23—43; *Повиков М. І.* Шевченко і петрашевці. — Збірник праць першої і другої наукових шевченківських конференцій. Київ, 1954, с. 112—122; *Марголис Ю. Д.* Исторические взгляды Т. Г. Шевченко. Л., 1964. 294 с.; *Сергеев Г. Я.* Т. Г. Шевченко і кирило-методіївське товариство. Київ, 1983. 208 с.

²⁷ См., например: *Дьяков В. А.* Идея межнационального сотрудничества в программах польских, русских и украинских революционеров 1840-х годов. — *Сов. славяноведение*, 1971, № 5, с. 46—57; *Павлюк М. М.* З літературних взаємин оренбурзьких засланив (Шевченко — Желіговський — Плещеев). — В кн.: Збірник праць дев'ятинадцятої наукової шевченківської конференції. Київ, 1972, с. 108—126. В Польше публиковались труды, сопоставляющие мировоззрение отдельных польских и русских мыслителей, например, статьи А. Валицкого «Цешковский и Герцен» и Х. Темкиной «Э. Дембовский и М. Бакунин» в кн.: *Polskie spory o Hegla 1830—1860.* Warszawa, 1966, s. 153—203, 347—388.

²⁸ См., например: *Никитина Ф. Г.* Общественно-политические и философские взгляды М. В. Буташевича-Петрашевского. — В кн.: Из истории русской философии XVIII—XIX веков. М., 1952, с. 166—188; *Евграфов В. Е.* Социально-политические и философские взгляды петрашевцев. — В кн.: Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953, с. 7—110; *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* Русская философия XI—XIX веков. Л., 1970, с. 314—333.

²⁹ *Шкуринов П. С.* Позитивизм в России XIX века. М., 1980, с. 106—107. В книге приводится немало свежих фактов, но она слишком схематична, конспективна в целом; например, о замечательном русском позитивисте Г. Н. Выходове сказано всего несколько абзацев, совершенно не упоминается о интереснейшей его статье «Позитивизм и Россия», приложенной к переводу книги Э. Литтре «Несколько слов по поводу положительной философии» (Берлин, 1865).

³⁰ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15-ти т. М., 1950, т. 7, с. 166.

³¹ *Малеин А. И., Берков П. Н.* Материалы для истории «Карманного словаря иностранных слов» Н. Кирилова. — Тр. ин-та книги, документа, письма. Л., 1934, т. 3, с. 43—66.

³² *Морозов В. М.* 1) К вопросу...; 2) «Финский вестник» в борьбе против литературно-общественной реакции. (По материалам 1846 года). — Учен. зап. Карело-Финского гос. ун-та, 1956, т. 6, вып. 1, с. 49—66; 3) «Финский вестник» — идейный соратник «Современника» в борьбе за «натуральную школу» (первая половина 1847 года). — Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та, 1957, т. 7, вып. 1, с. 131—151; 4) К характеристике общественно-политической позиции журнала «Финский вестник» в первой половине 1847 года. — Вопросы литературы (Петрозаводск), 1960, с. 47—73.

³³ *Вильская Б. А.* Петрашевцы в Русском географическом обществе. — Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая сер. Л., 1977, т. 104, с. 54—65.

³⁴ *Поэты-петрашевцы: Большая серия «Библиотеки поэта».* Л., 1940. 306 с.; 2-е изд. Л., 1957. 387 с.; *Поэты-петрашевцы. Малая серия «Библиотеки поэта».* Л., 1940. 297 с.; 2-е изд. Л., 1950. 299 с.

³⁵ Связи петрашевцев с деятелями искусства (художники, архитекторы, музыканты) почти совершенно не исследованы. Если не считать отдельных

упоминаний в работах о Шевченко, существует единственный труд — кандидатская диссертация по искусствоведению, лишь частично опубликованная (см.: *Шумова М. Н. П. А. Федотов и петрашевцы*. Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1978. 27 с.).

³⁶ См., например: *Салькова Л. А. М. Л. Михайлов и поэты-петрашевцы*. — Учен. зап. Крестоводар. пед. ин-та, 1956, вып. 18, с. 68—90.

³⁷ *Власова З. В.* 1) Писатель-петрашвец С. Ф. Дуров. — Вестн. ЛГУ, 1959, № 8, с. 90—103; 2) Писатель-петрашвец В. В. Толбин после 1849 года. — Там же, 1962, № 2, с. 107—118; *Ахмедова М. А.* 1) Плещеев и писатели-петрашевцы. — Учен. зап. Азербайджан. пед. ин-та языков им. М. Ф. Ахундова, 1967, № 4, с. 63—73; 2) А. Н. Плещеев и школа Ф. М. Достоевского. — Там же, 1971, № 1, с. 129—137.

³⁸ *Масальская Г. И.* Творческие искания писателей натуральной школы и проза А. Н. Плещеева. — Проблемы реализма. Вологда, 1976, с. 32—49.

³⁹ О М. М. Достоевском имеется небольшой раздел (автор — Е. И. Кийко) в коллективном труде: *Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра*. Л., 1973, с. 315—319. См. также: *Писцова А. З.* Неизвестная комедия М. М. Достоевского «Мачеха». — *Русская литература*, 1973, № 4, с. 135—138.

⁴⁰ См.: *Свяжлов Е. В. Г. П. Данилевский в литературно-общественном процессе конца 1840-х—начала 1860-х гг.* Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982. 16 с.

⁴¹ *Прокофьев В. П.* Петрашевский. М., 1962 (Сер. «Жизнь замечательных людей»). 336 с.; *Кокин Л. М.* Зову живых: Повесть о Михаиле Петрашевском. М., 1977. 423 с. (Сер. «Пламенные революционеры»); 2-е изд. М., 1981. 424 с.

⁴² *Порох И. В.* История в человеке. Н. А. Мордвинов — деятель общественного движения в России 40—80 годов XIX в. Саратов, 1971. 117 с.; *Пустильник Л. С.* Жизнь и творчество А. Н. Плещеева. М., 1981. 192 с.; *Зиневич Н. А. Ф. Г. Толль (1823—1867): Очерк жизни и творчества*. М., 1964. 56 с. См. также: *Козьмин Б. П.* Социальный роман Феликса Толля. — В кн.: *Козьмин Б. П.* Литература и история. М., 1982, с. 180—218; *Тгоржевский С. С.* Портреты пером. Л., 1984 (главы «Жизнь и раздумья Александра Пальма» и «Искатель истины»), с. 71—362.

⁴³ *Хомяков А. С.* Сочинения: В 8-ми т. М., 1900, т. 8, с. 199.

⁴⁴ Там же, с. 393.

⁴⁵ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15-ти т. М., 1939, т. 1, с. 274.